

Н. Ф. Демидова

**ПАМЯТНИК МЕСТНОЙ СТАТИСТИКИ
О КРЕСТЬЯНСКИХ ОТХОДАХ В XVIII ВЕКЕ**
(*Ведомость Яренской провинциальной канцелярии*)

Бурное развитие производительных сил и крупные социальные сдвиги, ознаменовавшие XVIII век в истории Российской империи, нашли свое отражение в появлении новых отраслей знаний. Одной из таких отраслей была научная статистика, истоки которой следует искать именно в XVIII столетии. Особенности ее развития не раз привлекали внимание историков. При этом особенно детально рассматривались труды русских ученых и политических деятелей, а также общие правительственные мероприятия в этой области¹. Вместе с тем до сих пор значительно менее изученной остается та база, на которой формировались основы научной статистики, а именно так называемая практическая коллежская статистика, дававшая в руки правительственный учреждений более или менее обобщенный цифровой материал, необходимый при решении важнейших вопросов внутреннего управления (реорганизации налоговой системы и др.).

Уже в первой половине XVIII в. в делопроизводстве центральных учреждений все большую роль начинали играть разного рода сводные таблицы (ведомости), суммирующие сведения социально-экономического порядка. Составление подобных ведомостей в центре, как правило, требовало получения первичных данных с мест. И действительно, запросы об их представлении в изобилии рассыпались из Сената и коллегий местным учреждениям. Однако на первых порах выполнение подобных запросов нередко растягивалось на годы, а иногда и вовсе оставалось без ответа в связи с тем, что местное чиновничество не имело еще достаточного опыта, а иногда и возможностей для оператив-

¹ М. Шпилевский. Политика народонаселения в царствование Екатерины II. — «Записки имп. Новороссийского университета». Одесса, 1871, т. VI; И. Я. Горлов. Обозрение экономической статистики России, СПб, 1894; М. Птуха. Очерки по истории статистики в СССР, т. I, М., 1955.

ного сбора и обработки необходимых материалов. Особенно трудно было осваивать новый вид работы канцеляриям небольших и удаленных от центра городов, не располагавших достаточно квалифицированными кадрами.

Но уже к середине XVIII века положение изменилось. В это время значительно возрос интерес к проблемам отечественной экономики как у отдельных ученых и политических деятелей, так и у научных и государственных учреждений. Достаточно упомянуть хотя бы ту огромную работу по сбору статистических материалов, которая была проведена Камер-коллегией и Экспедицией о государственных доходах. У личного состава коллегий и канцелярий, в свою очередь, выработался немалый навык в составлении сводных документов. Разнообразные ведомости с многочисленными графами и подграфами прочно вошли в делопроизводственную практику. Характерной чертой статистических материалов этого периода являлась их необычайная громоздкость, сочетавшаяся с известной сыростью окончательных результатов.

Как правило, формы статистической отчетности разрабатывались в центре. Однако в отдельных случаях имела место самостоятельная разработка в губернских, провинциальных и даже воеводских канцеляриях тех форм таблиц, которые наиболее соответствовали поставленным перед ними задачам.

В этом плане большой интерес представляет история создания в 1779 г. Яренской воеводской канцелярией сводной ведомости о крестьянах-отходниках². Данные ведомости представляют большой исторический интерес, так как вопрос об отходничестве остается одной из ведущих проблем при исследовании истории хозяйственной жизни многих чернососных районов русского Севера. Неоднократно подчеркивалось и то большое значение, которое он имел и применительно к деревне Коми края, где отходничество в XVII—XVIII вв. было широко распространено и приводило к временному или постоянному отрыву крестьян-отходников от собственного хозяйства³. Наличие этого явления можно уловить на основании материалов различного харак-

² ЦГАДА, ф. 609 (Яренская воеводская канцелярия), оп. 1, д. № 1786, лл. 34—53.

³ Н. В. Устюгов. Коми-край в период усиления феодально-крепостнического гнета и складывания всероссийского рынка в XVII в.— «Очерки по истории Коми АССР», т. 1, 1955, стр. 115—116; Н. Ф. Демидова. Развитие крепостничества и зарождение капиталистических отношений на территории Коми-края. — Там же, стр. 168—169; Д. Д. Балуева. Имуществоное расслоение и отходничество в коми-деревне. — «К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв.», М., 1958, стр. 236—242.

тера (отчетности воевод, копий паспортов и т. д.), но только сводные данные позволяют делать наиболее обоснованные выводы о количестве, длительности и направлении отходов. Поэтому понятно, что данные ведомости Яренской воеводской канцелярии не раз использовались в исследованиях по истории Коми края. Наиболее детально это сделано в статье Д. Д. Балуевой, где они представлены в виде небольшой обобщенной таблицы⁴. Несмотря на это, мы считаем необходимым вернуться к этому ценнейшему памятнику в связи с тем, что он до сих пор не подвергался источниковедческому анализу, т. е. не были выяснены принципы и источники его составления, а также полнота и точность содержащихся в нем сведений, без чего правомерность использования их представляется сомнительной.

Прежде всего остановимся на истории составления ведомости и сопровождающих ее документов. Как свидетельствуют материалы Яренской воеводской канцелярии, поводом для этого послужило полученное в Яренске 17 июня 1779 г. «предложение» сенатора А. П. Мельгунова, в котором запрашивалось, имеются ли среди зафиксированного по третьей ревизии населения уезда отходники, не вернувшиеся на места своего жительства⁵. При этом предписывалось представить список всех невернувшихся отходников, как ушедших по паспортам (т. е. легально), так и без паспортов (т. е. беглых).

Яренская воеводская канцелярия не располагала нужными для ответа сведениями, что объяснила в ответе сенатору следующим образом: «О просрочившихся из отпущеных по пашпортам в Яренской канцелярии знания не находится, для того что дающиеся пашпорты обратно не объявляются»⁶. Несмотря на это, Яренская воеводская канцелярия сумела выполнить запрос. Для этого яренский воевода В. Болдырев принял срочные меры. Несмотря на то, что «предложение» Мельгунова было получено в неприсутственные дни, 30 июня, т. е. в воскресенье, были спешно разосланы запросы учреждениям и должностным лицам, ведавшим выдачей паспортов и непосредственным надзором за движением населения, а именно, в Яренскую ратушу и в волости к сотским и старостам. От них требовалось составление соответствующих списков по подведомственным им группам населения⁷. Особенно детально были разработаны тексты указов в волости, где подробно перечислялись все нужные сведения⁸. К указам в волости, кроме того, был

⁴ Д. Д. Балуева, Указ. соч., стр. 241.

⁵ ЦГАДА, ф. 609, д. № 683, л. 326.

⁶ Там же, д. № 1786, лл. 25—25 об.

⁷ Там же, д. № 683, л. 324.

⁸ Там же, д. № 1786, л. 26.

приложен образец, по которому должны были быть составлены ведомости⁹.

Так как именно этот образец определил в дальнейшем содержание интересующей нас сводной ведомости, то остановимся на нем подробнее.

Разработанная Яренской воеводской канцелярией форма учета невернувшихся отходников состояла в следующем: вся ведомость была разделена на 2 параллельные половины, в каждой из которых имелось по 4 графы (т. е. всего 8 граф), первая половина ведомости была посвящена отходникам, ушедшим легально, и имела следующие графы: 1) «номер»; 2) «отпущеные по пашпортам после срока не явились»; 3) «когда им пашпорты даны; на сколько лет»; 4) «где ныне находятся». Для второй половины ведомости, в которой должны были содержаться сведения об ушедших самовольно, предложенные графы выглядели следующим образом: 1) «номер»; 2) «самовольно-отлучились без пашпортов»; 3) «когда»; 4) «где ныне находятся». Для облегчения работы образец ведомости был заполнен данными о 4 крестьянах Подгородной волости. Далее же было предписано: «применяясь к сему и прочих писать таким же порядком»¹⁰.

Ответы были получены в предельно короткий срок. Уже 5 июля была выслана промемория Яренской ратуши, к которой был приложен список отходников-горожан¹¹. Ответы старост и сотских поступали в течение всего месяца. Всего было получено 59 частных ведомостей¹². При этом, кроме сотских и старост, ведомости о сходцах «оловниках» были присланы вдовой купца А. Осколкова и администрацией Серегова усолья¹³. Большинство ведомостей было составлено в строгом соответствии с разосланным образцом. Некоторым отступлением от него явилось отсутствие у многих из них второй половины (об ушедших без паспортов). В некоторых ведомостях она имеется, но осталась не заполненной (напр., в ведомости Иртовской вол.)¹⁴; в других же основной текст сопровождается припиской о том, что «самовольно отлучившихся из нашей волости никуда и никого не имеется»¹⁵.

Таким образом, к началу августа яренская администрация располагала всеми нужными ей для ответа первичными материалами. Несмотря на это сводная ведомость была

⁹ Там же, л. 27.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, лл. 54—55.

¹² Там же, лл. 57—148.

¹³ Там же, л. 64.

¹⁴ Там же, л. 59.

¹⁵ Там же, л. 80.

выслана Мельгунову только через 5 месяцев 31 декабря 1779 г¹⁶. Время с начала августа по конец декабря было употреблено не только на механическое сведение представленных данных, но и на внесение ряда уточнений и дополнений. В результате этой дополнительной работы было составлено и выслано три документа:

1) Ведомость о крестьянах-отходниках, явившаяся сводкой частных ведомостей.

2) Ведомость о горожанах-отходниках, повторяющая ведомость Яренской ратуши.

3) Ведомость о крестьянах-отходниках, записавшихся в купечество, цеха и крестьянство в сибирских городах, которая была составлена по материалам Яренской воеводской канцелярии.

К сожалению, подлинных сводных ведомостей, посланных Мельгунову, до сих пор обнаружить не удалось. В нашем распоряжении имеются только отпуска их, сохранившиеся в фондах Яренской воеводской канцелярии. Можно с уверенностью сказать, что они полностью соответствуют подлинникам, а в известной степени даже интереснее их, так как имеют более поздние дополнения и исправления (о чём см. ниже).

Остановимся на них подробнее. Сводная ведомость о крестьянах-отходниках¹⁷ включает в себя сведения о 671 крестьянине, из которых ушедших по паспортам 542 человека, без паспортов — 129 человек. Также как и в частных ведомостях, каждая из этих групп имеет свою особую нумерацию без общих итогов. При этом в нумерации фамилий крестьян, ушедших по паспортам, допущена ошибка на 2 нумера (в ведомости значится 544 человека, в то время как 2 фамилии в середине ведомости тщательно стерты). Фамилии расположены по волостям, внутри же волостей, как правило, в том же порядке, который был дан в частных ведомостях. Только в отдельных случаях были допущены некоторые обобщения. Так, например, в сводной ведомости для крестьян Шежамской волости опущены названия деревень, которые имеются в частной ведомости¹⁸; сведения о половниках Осколковых, ушедших из Ленской волости, не даются отдельно, как в частной ведомости, а присоединены к общему списку крестьян Ленской волости¹⁹. Наряду с этим встречаются сокращения фактического порядка. Так, в частной ведомости по Иртовской волости приведено 16 фамилий отходников, в сводной ведомости их только 12²⁰.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 609, д. № 753, л. 119.

¹⁷ Там же, д. № 1786, лл. 29—49 об.

¹⁸ Там же, лл. 37 об., 87—88.

¹⁹ Там же, лл. 32 об., 63, 64.

²⁰ Там же, лл. 34, 70.

Сравнение фамилий позволяет прийти к выводу, что при составлении сводной ведомости были опущены фамилии крестьян, срок паспортов которых еще не истек или был незначительно пропущен (на 1—2 месяца).

Значительное сокращение было произведено при обработке первичной ведомости по Оквидской волости, в которой ушедшими значилось 19 человек, в сводной же ведомости их указывается только 14²¹. В последнем случае по каким-то соображениям были опущены также фамилии двух крестьян, ушедших без паспортов. При этом в числе не внесенных в сводную ведомость находим трех членов одной семьи Козловых, ушедших в разные годы²². Причина сокращения в данном случае менее ясна.

Некоторые различия между частными и сводной ведомостями находим и в вопросе о направлении отходов. Различия эти основаны на том, что в отдельных случаях Яренская воеводская канцелярия располагала дополнительными и более поздними сведениями, в то время как сотские и старосты основывались только на данных, полученных во время выдачи паспортов. Приведем несколько примеров. В 1770 г. крестьянин М. Арцын был отпущен из Ляльской волости в Тобольск (как об этом свидетельствует частная ведомость)²³, а в 1776 г. Яренская воеводская канцелярия получила сведения о том, что он записан в цех по Иркутску²⁴. В результате в сводную ведомость попали именно эти последние сведения. В частной ведомости сотского Устьысольской волости сообщалось, что крестьянин И. Е. Цывилев в 1760 г. был отпущен на 3 года в сибирские города²⁵, сводная ведомость на основании сведений 1777 г. уточняет его местонахождение, указывая на то, что он осел в Селенгинске²⁶.

Любопытно, что в дальнейшем Яренская воеводская канцелярия в своей практической работе использовала оставшийся в ее пользовании экземпляр сводной ведомости, о чем свидетельствуют имеющиеся на его полях поздние отметки. Все они были сделаны в 1780 г. в период с 17 февраля по 15 марта. Большая часть их является записями о повторной выдаче паспортов. Всего повторно паспорта были выданы 15 человекам²⁷. Меньшее число отметок говорит о возвращении отходников²⁸.

²¹ Там же, лл. 38 об. — 39, 89—90.

²² Там же, л. 89.

²³ Там же, л. 94 об.

²⁴ Там же, л. 50 об.

²⁵ Там же, л. 117 об.

²⁶ Там же, л. 43 об.

²⁷ Там же, л. 32 и др.

²⁸ Там же, л. 41.

Наиболее простой по форме является вторая ведомость об отходниках-горожанах²⁹. Как уже говорилось, она полностью повторяет первичную ведомость Яренской ратуши³⁰. Она не имеет графления и представляет собой простой список, в котором последовательно выделены группы фамилий, объединенные по направлениям выхода: 1) «в сибирские города», 2) «в Санкт-Петербург»; 3) «неизвестно где». Внутри каждой группы отходники сгруппированы по социальным категориям («из купцов», «из мещан»). Всего в ведомость включены сведения о 17 людях.

Наиболее любопытна третья ведомость о яренских крестьянах, вошедших в состав различных категорий сибирского населения³¹. Ее составление было вызвано не столько запросом Мельгунова, сколько практическими нуждами яренской администрации. Она, несомненно, не полна и включает сведения только о 54 людях. Причем, что особенно важно, она не дополняет основную сводную ведомость, а повторяет включенные уже в нее фамилии. Выделение фамилий этих крестьян в особую ведомость объясняется тем, что Яренской воеводской канцелярии требовалась особая санкция центра для того, чтобы решить их дальнейшую судьбу. Дело в том, что обо всей этой группе населения имелись особые ходатайства администрации Тобольска, Иркутска и других сибирских городов, которая на протяжении 1777—1779 гг. ставила в известность яренского воеводу о записи яренских крестьян-отходников в посад или крестьянство по сибирским городам и просила об исключении их из податных списков по Яренску. Так, например, в 1779 г. тобольский губернатор Чичерин ходатайствовал о переводе в екатеринбургское купечество крестьянина Устьвымской волости Д. И. Тренина³². Подобная же просьба поступила от якутского воеводы о крестьянине Полевской волости М. И. Размыслове³³.

Получая подобные промемории, Яренская воеводская канцелярия не решалась брать на себя решение вопроса об исключении ушедших крестьян из податных списков, тем более, что отлив населения нарушал местные фискальные интересы казны. Сумма подушной подати, приходившаяся на ушедших крестьян, заметно увеличивала размеры сборов с оставшегося населения, что, в свою очередь, вело к нарастанию недоимок.

Ярким свидетельством этому может послужить протест против записи в Удинский посад крестьянина Шеномской

²⁹ ЦГАДА, ф. 609, л. 33.

³⁰ Там же, лл. 54, 54 об.—55.

³¹ Там же, лл. 50—53.

³² Там же, л. 1.

³³ Там же, л. 19.

волости Яренского уезда М. Шакаева, поступивший в 1779 г. со стороны его отца и остальных членов крестьянской общинны, жаловавшихся на возрастание налоговых платежей³⁴. Подобным же образом обстояло дело и с упоминавшимся выше экономическим крестьянином Д. И. Трениным, вопрос о переводе которого в Екатеринбург Яренская воеводская канцелярия передала на решение Коллегии Экономии³⁵. Запрошенный по этому поводу староста экономического ведомства Устьвымской волости также выразил свой протест, ссылаясь на старость и имущественную несостоятельность, как налогоплательщика, отца отходника³⁶.

Таким образом, ведомость являлась обобщающим документом, который позволил бы принять общее решение о судьбе всех сходцев, положение которых в местах нового поселения было юридически оформлено. В связи с этой задачей ведомость построена по особой форме. Она как бы разбита на 4 самостоятельных ведомости:

- 1) О записавшихся в купечество и цехи (включает 33 человека)³⁷.
- 2) О записавшихся в крестьянство (включает 15 человек)³⁸.
- 3) О работающих на заводах (включает 5 человек)³⁹.
- 4) О записавшихся в священнослужители (включает 1 человека)⁴⁰.

Применительно к яренским отходникам, которые вошли в состав городского населения Сибири, в ведомости имеются следующие графы: 1) «Номер»; 2) «Кто именно»; 3) «По какому городу (подграфы: «В посад»; «В цехи»); 4) «О том указы и промемории когда» (подграфы: «От которой команды отправлены», «в Яренской канцелярии получены»); 5) «По оным объявлено, с которого времяни там з записавшихся подушной збор назначен». Для отходников, вошедших в остальные социальные категории сибирского населения, 3-я графа упрощена. Для крестьян в ней указывалось только: «по какому городу», для работных людей — «при каких заводах», для священнослужителей — «где».

Все ведомости в совокупности предоставляют в руки исследователей сложный и неоднородный материал о разных сторонах отходничества. Попробуем проанализировать имеющиеся в них данные.

³⁴ Там же, лл. 11, 15—15 об.

³⁵ Там же, лл. 2—3.

³⁶ Там же, лл. 7—7 об.

³⁷ Там же, лл. 50—51.

³⁸ Там же, лл. 51 об. — 52.

³⁹ Там же, л. 52 об.

⁴⁰ Там же, л. 53.

Прежде всего, бросается в глаза, что дальний отход — бегство не был характерен для населения Яренского уезда середины и третьей четверти XVIII в. Из общего числа 688 отходников как крестьян, так и горожан без паспортов, т. е. без разрешения волостной администрации и общины, ушло всего 130 человек, т. е. 19%.

Ведомости позволяют также судить, что среди отходников, покидавших пределы Яренского уезда, наиболее распространены были длительные отходы. Из отходников, получивших паспорта, 423 человека было отпущено на 3 года, 34 — на 2 года, 62 — на 1 год, 12 — на 6 месяцев, 6 — на 3 месяца.

В ведомости включены сведения о 688 людях, покидающая часть которых (671 человек) представлены крестьянами, меньшая же (17 человек) городским населением Яренска — купцами и мещанами. Рассмотрим подробнее, из чего слагаются эти общие цифры. Хронологически отраженные в ведомостях отходы охватывают период с 20-х по конец 70-х годов XVIII века. Если оставить в стороне отходников-горожан, то нам представляется следующая картина распределения отходов по десятилетиям:

Таблица 1
Количество отходников по годам

Годы	Количество отходников	%
20 годы	1 человек	0,1%
30 годы	3 человека	0,4%
40 годы	19 человек	2,8%
50 годы	63 человека	9,6%
60 годы	239 человек	35,6%
70 годы	346 человек	51,6%
Всего	671 человек	100%

На первый взгляд, приведенные цифры создают впечатление последовательного возрастания отлива населения из края. Кульминационным моментом этого процесса как бы являются 60—70 годы. Примерно к этому выводу приходит в своей статье и Д. Д. Балуева⁴¹. Однако такая резкая разница не может не насторожить. Удивляет также чрезвычайно низкий процент невернувшихся сюдацев 20-х годов — времени резкого возрастания налогового гнета и массового бегства крестьянского населения. При внимательном подходе к приводимым ведомостям данным становится ясным,

⁴¹ Д. Д. Балуева. Указ. соч., стр. 241.

что сведения 20—50-х годов в значительной мере случайны. Несомненно, что во время проведения второй и третьей ревизий подавляющее большинство ушедшего и не вернувшегося в срок населения было исключено из переписных и окладных книг. Вспомним в этой связи и запрос Мельгунова, требовавшего сведения только о лицах, учтенных по третьей ревизии. Возможно, что оставление в учетных документах старых сходцев имело какие-то конкретные причины — продление срока, точные сведения о месте нахождения, временное возвращение и т. д. В известной мере могут быть занижены и сведения 60-х годов, на начало которых приходится проведение третьей ревизии. Цифры же 70-х годов, напротив, могут быть несколько завышены в связи с тем, что близкие по времени к составлению ведомости уходы могли быть не окончательными, а только за позданиями с возвращением (последнее подтверждается сделанными позднее на ведомости отметками о возвращении и продлении срока).

Однако, со всеми сделанными оговорками, можно считать цифры уходов из края для 60—70-х годов наиболее соответствующими действительности. Цифры же предыдущих лет вряд ли можно принимать для характеристики количественного соотношения отходов.

Значит ли это, что ими вообще нельзя пользоваться? Думаем, что вполне правомочно их употребление не столько для цифровых, сколько для процентных характеристик. Так, например, общая цифра отходников, учтенных ведомостями, сопоставленная с общим числом населения, несомненно дает представление об отливе населения из края для середины и третьей четверти XVIII века. По отношению к общему населению края, которое по III ревизии составляло 24 993 человека мужского пола, процент отходников, не вернувшихся на старые места своего жительства, равнялся 2,7. Если сравнить его с 10 процентами сходцев XVII в., которые были зафиксированы переписной книгой 1646 г. за 20 лет (т. е. источником примерно такого же характера, как ведомость 1779 г.), то видим, что он значительно ниже, даже если допустить, что из числа сходцев XVII в. часть могла впоследствии вернуться⁴². Следовательно, можно считать, что в середине XVIII в. наблюдалось уменьшение (по сравнению с XVII в.) общего отлива населения из края. (см. табл. 2).

Учитывая относительность приводимых абсолютных цифр, следует сказать, что более показательно для выяснен-

⁴² Н. В. Устюгов. Коми-край в период усиления феодально-крепостнического гнета и складывания всероссийского рынка в XVII в. — «Очерки по истории Коми АССР», т. I, 1955, стр. 115.

Таблица 2*

Количество отходников по волостям.

Название волостей и погостов с деревнями	Колич. населения по III ревизии	Количество отходников					Процент. соотнош- ние колич. отход. к населен. волости	
		20—30 гг.	40 гг.	50 гг.	60 гг.	70 гг.		
1. Важгорский погост	475			4	10	14	2,9%	
2. Венденский погост	776		2	6	11	19	2,4%	
3. Бизинская	642		1	6	3	10	1,5%	
4. Вилгортская	329		1			1	0,3%	
5. Вишерская	422		1	3	17	21	5%	
6. Вожемская	147		4	7	11	22	15%	
7. Вотчинская	378			2	5	7	1,9%	
8. Гамская	154			2	7	9	5,8%	
9. Глотова слобода	462			7	2	9	1,9%	
10. Гривенская	177			1		1	0,6%	
11. Деревянская	418			4	19	23	5,5%	
12. Жежимская	875	1	3	1	4	13	22	2,5%
13. Жешартская	486			2	1	13	16	3,3%
14. Зеленецкая	462			1		1	2	0,4%
15. Ибская	414				2	1	3	0,7%
16. Иртовская	373	1	1		4	15	21	5,6%
17. Кайгородская	454					2	2	0,4%
18. Касланский погост	515				8	10	18	3,5%
19. Керчемская	421				6	2	8	1,9%
20. Киберская	527	1	3	1	5	10	1,9%	
21. Княжпогостская	632				5	2	7	1,1%
22. Коквицкая	828			3	9	2	14	1,7%
23. Корткерская	950				5	6	11	1,2%
24. Ленская	309				3	4	7	2,3%
25. Ляльская треть	507				6	3	9	1,8%
26. Межадорская	212					4	4	1,9%
27. Мыеддинская	154		1	3	6	10	6,5%	

* Таблица составлена на основании упоминавшихся выше сводных ведомостей Яренской воеводской канцелярии. Сведения о количестве населения края по III ревизии взяты из ведомости 1668 г., ЦГАДА, д. 609, д. 1777, лл. 19—88).

Название волостей и погостов с деревнями	Колич. населения по III ревизии	Количество отходников						Процент, соотноше- ние колич. отход. к населен. волости
		20—30 гг.	40 гг.	50 гг.	60 гг.	70 гг.	всего	
28. Наволоцкая	205	1	2	1	9	13	6,3%	
29. Небдинская	400		1	2	3	4	10	2,5%
30. Низовская треть	665				4	7	11	1,6%
31. Оквидская	253			1	4	8	13	5,1%
32. Ошлапецкая	301					11	11	3,7%
33. Палаузская	162					1	1	0,06%
34. Печерская	381				6	1	7	1,8%
35. Подгородная	1036	5	11	13	12	41	3,9%	
36. Подъельская	450				2	8	10	2,2%
37. Пожегодская	291	1	2	3	3	9	3,1%	
38. Полевицкая	433		1	3	4	8	1,8%	
39. Помоздинская	183			3	1	4	2,2%	
40. Пустынская	828			5	14	19	38	4,6%
41. Пыелдинская	448			1	5	13	19	4,2%
42. Пыский погост	357				2	5	7	1,9%
43. Серегово усолье	257				2		2	0,8%
44. Сойгонская	122			5	1	3	9	7,4%
45. Туглимская	127			2	3	3	8	6,3%
46. Турецкая треть	616			1	6	6	13	2,1%
47. Урдомская	177	2			3	15	20	11,3%
48. Устьвымская	393	3			3	3	9	2,3%
49. Устькуломская	556			2	11	7	20	6%
50. Устьнемская	310				3	4	7	2,3%
51. Устьсыольская	1073				10	7	17	1,5%
52. Цылибская	219			1	5	3	9	3,1%
53. Чакульская	565			5	9	5	19	3,4%
54. Часовская	239			1	1	3	5	2,1%
55. Чукашибская	89					1	1	1,1%
56. Шеномская	771	1	2	8	13	24		3,1%
57. Шошкинская	206				3	3	6	2,9%
58. Яренск	312						17	5,5%
Всего	24924	4	19	63	239	346	688	2,7%

ния действительного отлива населения из разных районов Яренского уезда процентное соотношение этих цифр к количеству населения волостей. Оно следующее:

- для Вилгортской, Зеленицкой и Кайгородской волостей — от 0,4 до 0,5%;
- для Гривенской, Ибской волостей и Серегова усолья — от 0,6 до 0,8%;
- для Везенской, Княжпогостской, Корткерской, Усть-сысолинской и Чукаибской — от 1,1 до 1,5%;
- для Вотчинской, Керчемской, Киберской, Коквицкой, Межадорской, Печерской и Полевицкой волостей, Ляльской и Низовской третей, Глотовой слободы и Пыско-го погоста — от 1,6 до 1,9%;
- для Ленской, Небдинской, Подъельской, Помзинской, Устьвымской, Часовской волостей, Турецкой трети и Венденского погоста — от 2,1 до 2,5%;
- для Жешамской и Шешкинской волостей и Важгортского погоста от 2,5 до 2,9%;
- для Жешартской, Пожегодской, Цылибской, Чакульской и Шеномской волостей и Касланского погоста от 3,1 до 3,5%;
- для Ошлапецкой и Подгородной волостей — от 3,7 до 3,9%;
- для Пустынской и Пыелдинской волостей от 4,5 до 4,6%;
- для Гамской, Вишерской, Деревянской и Оквидской волостей и г. Яренска — от 5 до 5,8%;
- для Мыелдинской, Наволоцкой, Туглимской и Усть-куломской волостей — от 6 до 6,5%;
- для Сойгинской волости — 7,4%;
- для Урдомской волости — 11,3%;
- для Вожемской волости — 15%.

Таким образом, наиболее устойчивым было население земледельческих волостей по Сысоле. Наибольший же отлив крестьянского населения приходился на западную часть уезда, расположенную по Вычегде на границе с Сольвычегодским уездом и в районе Яренска, в том числе, на экономические волости (Сойгинскую, Пустынскую и некоторые другие).

Более точные свидетельства можно почерпнуть из ведомостей Яренской воеводской канцелярии для выяснения основных направлений отлива населения. (См. таблицы 3 и 4).

Из них следует, что подавляющая часть отходников оседала в сибирских городах, старом районе отхода, наметившемся еще в XVII веке. Однако если сравнивать количество отходников в сибирские города в XVII и XVIII в., пользуясь для XVII века данными упоминавшейся уже пере-

Таблица 3

Направление отходов

Уезд	Колич. отходов по годам					Всего
	20-30	40	50	60	70	
1. Архангельский				1	5	6
2. Барнаульский			2	5	13	20
3. Верхотурский					5	5
4. Вятский			1	4	15	20
5. Екатеринбургский				8		8
6. Енисейский				4	1	5
7. Иркутский	1	9		21	41	72
8. Казанский				1		1
9. Камчатка	1		3	2	2	8
10. Кяхтинский					1	1
11. Ладожский					1	1
12. Московский					1	1
13. Нерчинский				8		3
14. Охотский					1	1
15. Петербург		1		24	40	65
16. Селенгинский				1	2	3
17. Сибирские уезды *	1	7	28	48	50	134
18. Соликамский				3	5	8
19. Сольвычегодский					2	2
20. Тобольский			2	3	8	13
21. Томский				1	3	4
22. Троицкий					12	12
23. Туруханский				1	2	3
24. Тюменский				1	1	2
25. Удинский			1	1	2	4
26. Устюжский				2	5	7
27. Чердынский				7		7
28. Неизвестно куда	2	10	17	97	129	255
	4	19	63	239	346	671

*В ведомости не всегда конкретно дается место отхода. Во многих случаях вместо этого указываются только «сибирские города».

Таблица 4

Направление отходов*

Куда	Количество отходников	%
В столичные города	67 (66)	9,7%
В города Европейского Севера	23	3,3%
В города Среднего Урала и Приуралья	36	5,2%
В города Южного Урала и Поволжья	13	1,9%
В города Сибири и Дальнего Востока	292	42,4%
Неизвестно куда	257	37,5%
Всего	688	

писной книги 1646 г., то замечаем несомненное уменьшение эмиграционного потока. Если в середине XVII в. при общем количестве населения в 6645 человек, количество ушедших в Сибирь составляло 762 человека, то в 1779 г. при общем количестве населения в 24 993 человека, в Сибирь ушло только 276 человек. Даже если считать цифру сходцев XVII века несколько завышенной, то разница все же разительная!

Новым по сравнению с XVII веком местом ухода является район Среднего Урала и Приуралья. Отход в ближние к Яренскому уезду районы русского севера сравнительно незначителен, еще меньше он для центральных районов страны.

Наибольший интерес представляют те данные источника, которые позволяют судить о том, как складывались на новых местах судьбы яренских сходцев.

В лучшем положении оказалась та их часть, которая влилась в состав городского населения. К сожалению, более или менее полными сведениями о ней мы располагаем только применительно к части крестьян, ушедших в сибирские города.

Яренской воеводской канцелярией было учтено 30 человек отходников подобного рода (см. табл. 5).

Некоторое представление об имущественном положении записывающейся в купечество группы яренских крестьян-отходников дает переписка тобольского губернатора и яренского воеводы относительно включения в екатеринбургское купечество уже упоминавшегося крестьянина Д. И. Тренина. Тренин, живший в Екатеринбурге с 1765 по 1779 г., об-

* Таблица 4 дается в обобщенном выражении и с прибавлением цифр по городам.

Таблица 5*

Отходники-крестьяне, перешедшие в разряд городского населения
Сибири

Город	Купечество	Цехи	Мещанство	Духовенство	Всего
1. Верхоленск	1				1
2. Екатеринбург	1				1
3. Иркутск	3	13	1		17
4. Кабанский острог	1				1
5. Кяхта		3			3
6. Селенгинск	5			18	6
7. Удинск		1			1
	11	17	1	1	30

завелся там домом и семьей, при записи в купечество предъявил капитал в размере 500 руб.⁴³.

Основным занятием крестьян, записавшихся в цехи, были различные промыслы, связанные с развитой среди населения Яренского уезда обработкой дерева. В качестве типичного примера подобных занятий можно привести запись в цех «по дощеночному и плотничному ремеслу» яренского крестьянина М. Шалаева, поселившегося в Удинске⁴⁴.

Таблица 6**

Количество отходников, работающих на металлургических заводах, рудниках и соляных промыслах⁴⁵

Название завода	Кол-во отходн. по годам				Всего
	40	50	60	70	
1. Дедюхинский казенный солеваренный завод Соликамского у.				1	2
2. Змеевские Барнаульские рудники Томской губ.		1	3	6	10
3. Косотурский (Зластоустовский) железоделат. завод Лугинина Троицкого у.				13	13
4. Николаево-Павдинский завод Походящина Верхотурского у.				2	2
5. Нерчинские рудники				3	3
6. Омутинский железоделательн. завод Осокиных Вятской губ.	1	1	4	15	21
7. Петропавловский вагранский завод Походящина Верхотурского у.				3	3
8. Полевицкий медеплав. и железоделат. завод Турчанинова Екатеринбургского у.				6	6
Итого	1	2	8	51	62

* Таблица составлена на основании ведомости Яренской воеводской канцелярии (ЦГАДА, ф. 609, лл. 55—56).

⁴³ Там же, л. 1.

⁴⁴ Там же, л. 11.

** Таблица составлена на основании 1-й сводной ведомости и части 3-й ведомости об отходниках.

Новым, характерным для середины XVIII в., являлся отход на металлургические и солеваренные заводы Среднего Урала, Приуралья и Сибири (см. табл. 6).

Приведенный фактический материал свидетельствует о том, что крестьяне-коми являлись одной из составных частей кадров работных людей для растущих в этот период предприятий тяжелой металлургии. Можно считать, что составители ведомостей располагали по этому вопросу отнюдь не исчерпывающими данными.

Далеко не все крестьяне, работающие на заводах, вошли в состав сводных ведомостей. По-видимому, число их можно несколько увеличить за счет ушедших неизвестно куда, так как заводы не были заинтересованы в их возвращении и скрывали их как беглых. Характерно, что в 3-й ведомости, составленной на основании сведений местных учреждений тех уездов, где осели сходцы, отходников — работных людей значится только 5 человек⁴⁵.

Очень мало дают ведомости для того, чтобы установить, из каких именно слоев населения выходили невернувшиеся отходники и что заставляло их покидать край.

Некоторое представление об этом можно получить для городского населения. Среди 14 человек горожан, ушедших в сибирские города, мы находим 2 купцов и 12 мещан, причем среди них встречаем 4 представителей богатейших купеческих фамилий Осколковых и Сухановых⁴⁶. Несомненно, что отход их в Сибирь был связан с их торговой и промысловая деятельностью. Так, например, известно, что некоторые яренские купцы держали в XVIII в. собственные перевозные суда на Байкале, для чего мог требоваться хозяйствский надзор⁴⁷. Могли они оставаться в Сибири и для надзора за действием промысловых партий охотников за ценной пушниной.

По-видимому, среди крестьян, уходивших в сибирские города, имелось также значительное число крепких хозяев, так как сам подъем в дальнюю дорогу и покупка охотничьего снаряжения требовали значительных средств. Именно из этой среды выходили крестьяне, которые в Сибири включались в состав городского населения. Часть крестьян и в новых местах сохраняла свое прежнее положение. В ведомости Яренской воеводской канцелярии значится 16 крестьян Яренского уезда, записавшихся в крестьянство по Иркутскому, Селенгинскому и Тюменскому уездам⁴⁸.

Вместе с тем, на основании материалов другого харак-

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 609, д. 1786, л. 56—56 об.

⁴⁶ Там же, л. 33.

⁴⁷ Н. Ф. Демидова. Указ. соч., стр. 171.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 609, д. № 1786, лл. 56—56 об.

тера, чем интересующая нас ведомость, мы знаем, что среди яренских крестьян-отходцев несомненно существовала беднейшая, в известной мере разорившаяся часть, отход для которой был единственным средством выбиться из нужд и поддержать свое существование.

В книге Яренского полкового двора 1720—1731 гг. цель подобных отходов обозначалась словами: «для черной работы» или «для прокормления работой»⁴⁹. Правда, большая часть подобных отходников-бедняков не уходила за пределы Яренского уезда и потому не была включена в ведомость 1779 года. Вместе с тем и среди них имелись случаи дальних отходов. Так, зимой 1725 г. 16 крестьян разных волостей были отпущены на три года в Якутск, Иркутск и Селенгинск⁵⁰ для прокормления черной работой».

Подводя итоги, остановимся, прежде всего, на оценке ведомостей 1779 г. как исторических источников. Несмотря на некоторую ограниченность и наполненность сведений, они несомненно являются ценным источником для исследования истории отлива населения из Яренского уезда в 60—70-х годах. Цифровые же данные более раннего периода могут быть использованы только для выяснения процентных, а не количественных соотношений отдельных сторон отходничества. Из выводов исторического порядка хочется выделить следующие:

Ведомость 1779 г. свидетельствует о том, что в XVIII в. значительно сократился эмиграционный поток, направленный из Яренского уезда на восток, хотя Сибирь по-прежнему оставалась основным местом ухода населения. Наряду с этим в середине века намечается новое направление отходничества, неразрывно связанное с развитием уральской промышленности. Основной формой отхода был не побег, а санкционированный временный уход.

Процент отходников, не возвращавшихся на прежние места жительства, был не высок и не оказывал существенного влияния на общий рост количества населения края.

Уход из края и поселение сходцев на новых местах приводили к сохранению их прежнего социального положения — крестьян, купцов и мещан, или же к его изменению — записи крестьян в купечество или вступлению их в разряд работных людей.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 966 (Яренская канцелярия судных и розыскных дел, земский комиссар и полковой двор), д. № 23.

⁵⁰ Там же, лл. 22 об., 46 об., 47, 33 об., 36, 38, 40 об.